

Авдеенко Иван Анатольевич

ОПЕРАЦИИ С СИМВОЛАМИ В ТЕКСТАХ РУССКОЙ РОК-ПОЭЗИИ

В статье рассматриваются когнитивные операции с символами в текстах русской рок-поэзии. Показано, что эти операции сводятся к двум - актуализации и семантизации. При этом основными видами актуализации (выделения символа как такового на фоне других слов) являются создание особого качества контекста и нагнетание числа использований, а основными видами семантизации - помещение в контекст с единицами противоположной или разнородной семантики или в контекст единиц (знаков или символов) с относительно определенным вектором интерпретации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/3-2/13.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 3(81). Ч. 2. С. 269-273. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81

В статье рассматриваются когнитивные операции с символами в текстах русской рок-поэзии. Показано, что эти операции сводятся к двум – актуализации и семантизации. При этом основными видами актуализации (выделения символа как такового на фоне других слов) являются создание особого качества контекста и нагнетание числа использований, а основными видами семантизации – помещение в контекст с единицами противоположной или разнородной семантики или в контекст единиц (знаков или символов) с относительно определенным вектором интерпретации.

Ключевые слова и фразы: символ; актуализация; семантизация; контекст; русская рок-поэзия.

Авдеенко Иван Анатольевич, к. филол. н., доцент

*Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, г. Комсомольск-на Амуре
iavdeenko@mail.ru*

ОПЕРАЦИИ С СИМВОЛАМИ В ТЕКСТАХ РУССКОЙ РОК-ПОЭЗИИ

Актуальность обращения к оперированию символами в текстах русской рок-поэзии определяется тем, что до настоящего момента в лингвистике основным является представление о символе как объекте, значение которого рационально определить нельзя в силу его принципиальной многозначности [4, с. 341-346; 5; 6; 8, с. 299-300; 10, с. 25-26]. Такое представление может соответствовать действительности, если считать, что символ функционирует в информационно-коммуникативном универсуме, где опыт каждого человека, оперирующего символом, уникален, хотя и опирается на культуру, в которой он сформирован, а понимание семантики символа в той или иной мере субъективно. Наука же, как область знания, ориентирована на рациональное понимание объекта и его объективную оценку. В то же время текст как информационная единица выражает свои составляющие во взаимосвязи. Смысловые связи внутри и между текстами определяют значения их компонентов, следовательно, анализ употреблений символа в тексте позволяет дать рациональную (инвариантную) трактовку семантики символа в рамках культуры (субкультуры), которая порождает соответствующий текст и использует символы для выражения смутно определяемых значений. В связи с этим необходимо определить, какие именно операции при включении слова в контекст возводят его в ранг символов. Русская рок-поэзия является текстовым выражением русской рок-культуры и соответствующего видения мира, выраженного в именах концептов (символах), причем в описании операций со словом при включении его в состав текста, переводящих его из кода национального языка в символический код.

Цель данной статьи состоит в описании операций со словом при включении его в состав текста, переводящих его из кода национального языка в символический код.

Как показал опыт анализа использования символа в текстах русской рок-поэзии, к числу таких операций относятся актуализация и семантизация. Соответственно, задачи данной работы определяются как: 1) рассмотрение особенностей актуализации символа; 2) рассмотрение специфики его семантизации.

Актуализация символа в рамках данной работы понимается как операция, целью которой является выделение слова с символическим значением в качестве такового из числа слов, таким значением не наделяемых. Эта операция может осуществляться, с одной стороны, за счет особого качества контекста, с другой – путем нагнетания количества использований знаменательного слова.

Актуализация символического употребления слова за счет особого качества контекста аналогична по своей природе той же операции с неавтологически воспринимаемыми единицами речи – метафорой и метонимией: переносные наименования воспринимаются как таковые в случае, если прямое значение в контексте логически недопустимо. Например: (1) *Клавиши черных и белых / Вековой разговор* (А. Макаревич «Воды нашей реки...») [3, с. 14]. (2) *Звонари черными мозолями / Рвали нерв медного динамика* (А. Башлачев «Время колокольчиков») [Там же, с. 31]. (3) *Я видел генералов, / Они пьют и едят нашу смерть* (Б. Гребенщиков «Поезд в огне») [Там же, с. 28]. (4) *То ли темнота глаза таракит* (Алексей Романов «По дороге разочарований») [Там же, с. 64].

В приведенных примерах актуализированы метафорические (1, 2) либо метонимические (3, 4) значения слов. При этом актуализация соответствующих значений как отрицание возможности прямых понятийных, языковых компонентов основана на том, что В. Н. Телия называет «максимой фиктивности» [7, с. 173]: никакой прямо названный объект (признак, процесс) не может находиться в прямо названных отношениях с другим прямо названным объектом (признаком, процессом). В частности, клавиши не могут разговаривать (1), у динамика нет нерва (2), есть и пить смерть невозможно (3), у темноты нет глаз (4).

Невозможность буквального прочтения заставляет воспринимающего текст носителя языка понимать логически, понятийно немислимую речевую конструкцию как иносказательно выражающую то, что так или иначе соответствует представлениям о мире. Как утверждают НЛП-тренеры, «сознание обречено во всем искать смысл» [9]. Поскольку этот смысл выражен в непривычном ракурсе, он воспринимается как новый, ранее не известный, эстетически и гносеологически ценный.

Однако при актуализации метафорического и метонимического значений слова подразумевается возможность относительно однозначной интерпретации речевой конструкции: А похоже на Б (Б также похоже на А) либо А связано с Б (Б также связано с А).

Актуализация символа, хотя и не отрицает возможности установления метафорических/метонимических отношений между означаемым и означающим, опирается на использование слова в таком окружении, которое не позволяет не только произвести буквальное прочтение, но и однозначно рационально интерпретировать замену слова, поскольку собственно замены при такой актуализации символа не производится.

Приведем несколько ярких примеров из русской рок-поэзии.

(5) *Он придет издали, / Меч дождя в его руках* (Б. Гребенщиков «10 стрел» [3, с. 23]). (6) *Я слышу цвет, я чувствую цвет* (В. Бутусов «Шар цвета хаки» [Там же, с. 148]). (7) *Мумия золотом дышит, / плавитя и течет* (П. Мамонов «Мумия» [Там же, с. 177]). (8) *Но мы поём, глотая обугленным ртом / Отравленный воздух упавших вверх* (П. Бехтин «Под знаком весны» [Там же, с. 191]). (9) *Но ветер влетел под навес / И вытянул море в струну / И спрятал в карман луну, / И без разрешения влез / На хрусткую До-диез* (О. Чилап «Ветер длиною в тон» [Там же, с. 210]). (10) *Гранит, узлом затянутый на шее... Колес трамвайных тело рвущие тиски...* (Андрей Романов «Город» [Там же, с. 130]).

В примерах 5-10 рациональная интерпретация сочетаний «меч дождя» (противоречие компонентов единства и множества, стали и воды, смерти и жизни не позволяет установить отношений сходства или смежности), «слышать, чувствовать цвет» (цвет относится к визуальному восприятию и недоступен слуховому и тактильному, следовательно, интерпретация выражения как иносказательного невозможна), «мумия плавитя, течет» (мумия как твердый объект биологического происхождения никак несоместима с течением и плавлением), «упавший вверх» (разнонаправленность действия и его ориентира не позволяет осуществить их совмещение), «вытянуть море в струну» (море не может быть подвергнуто никакому похожему действию), «гранит, затянутый узлом» (гранит не обладает признаком гибкости, в силу чего ни с действием «затянуть», ни с образом действия «узлом» не соотносится). В отличие от случаев с метафорами и метонимиями, смысловая совместимость здесь возможна только в плане символических значений слов. Следовательно, слова МЕЧ, ДОЖДЬ (5), ЦВЕТ (6), МУМИЯ (7), ВВЕРХ (8), МОРЕ, СТРУНА (9), ГРАНИТ, УЗЕЛ (10) использованы как символы.

По аналогии с определением В. Н. Телия в отношении метафоры в данном случае можно говорить о максиме иррациональности. Если метафора и метонимия предполагают оригинальное «фиктивное» речевое выражение, подлинный смысл которого выводится из контекста употребления, а ценность определяется уникальностью, способностью актуализировать невыразимые другими способами свойства называемого, символ актуализируется именно как языковая единица, слово с надпонятийным и, соответственно, не зависящим от контекста значением. Именно полная независимость, произвольность сочетаемости, ее рациональная неинтерпретируемость указывают на то, что слово использовано в символическом (непереносном, метафорическом или метонимическом) смысле.

Кроме произвольного выбора лексического окружения способом актуализации символа является произвольная замена ожидаемого в контексте слова на другое. При этом возможны как построение свободных словосочетаний с нарушением общепринятой лексической валентности, так и трансформация фразеологизмов. Например: (11) *Дай Бог им пройти семь кругов беспокойного лада* <вместо «ада»> (А. Башлачёв «На жизнь поэтов» [Там же, с. 32]). (12) *Путь тернистый, и загнаны кони, / Рвется стремя, не видно гонца* <вместо «конца»> (А. Градский «Памяти творца» [Там же, с. 52]). (13) *А культура, вспотев / В целлофане дождей* <вместо плащей>, / *Объявляет для всех / Ночи «Белых ножей»* (Ю. Шевчук «Ленинград» [Там же, с. 92]). (14) *А на Невский слетелась стая сапог* <вместо ворон> (Ю. Шевчук «Ленинград» [Там же, с. 91]). (15) *Податливый гипс простыни / Сохранил твою форму тепла* <вместо тела> (И. Кормильцев «Эта музыка будет вечной» [Там же, с. 142]).

В приведенных примерах ЛАД (11), ГОНЕЦ (12), ДОЖДЬ (13), САПОГ (14), ТЕПЛО (15) актуализируются как языковые единицы, позволяющие встраивать их в любые контексты, пренебрегать их лексическим значением и привычной сочетаемостью в силу наличия символической, поливалентной семантики.

Еще одним из способов актуализации символа является контекст отрицания компонентов, характеризующих несимволическое значение слова: (16) *Я песню спел – она не прозвучала* (К. Никольский «Я сам из тех...» [Там же, с. 75]). (17) *Просто я – часть мира, которого нет* (М. Науменко «Старые раны» [Там же, с. 102]). (18) *Я один, но это не значит, что я одинок* (В. Цой «Ночь» [Там же, с. 120]). (19) *Я беру чью-то руку, а чувствую локоть* (И. Кормильцев «Скованные одной цепью» [Там же, с. 139]).

В приведенных примерах ПЕСНЯ лишается в контексте признака звучания (16), МИР – признака существования (17), ОДИН – одиночества (18), РУКА – способности к взаимному рукопожатию. Отсюда следует, что данные единицы использованы не с понятийной (присущей им в обычном употреблении), а с символической семантикой.

Нагнетание количества употреблений знаменательного слова как способ актуализации его символического значения реализуется в интертекстуальном и интратекстуальном аспектах.

Интертекстуальный аспект количественной актуализации символа выражается в том, что в различных текстах различных авторов слова упоминаются чаще, чем в повседневной речевой практике. Так, анализ количества упоминаний ряда символов в текстах русской рок-поэзии показал, что символ ЗВЕЗДА упоминается в 28, СОЛНЦЕ – в 17, ЗЕМЛЯ – в 20, НЕБО – в 33, ГОРОД – в 13, ДОМ – в 45, ДВЕРЬ – в 15, СТЕНА – в 19, ОКНО – в 19, ДОРОГА – в 16, ПУТЬ – в 17, РЕКА – в 14 [1], ВРЕМЯ – в 22, ГОД – в 20, ДЕНЬ – в 45, НОЧЬ – в 48, УТРО – в 19, СЕГОДНЯ (НЫНЧЕ) – в 10, ЗАВТРА – в 11, ЗИМА – в 11, ВЕСНА – в 16 [2] из 100 текстов.

При такой актуализации слово, упоминающееся в достаточно большом количестве художественных текстов, представляется как обозначающее то, что имеет смысл обсуждать, в отличие от лексем, употребляемых в обычном языковом значении, и как то, что значимо способствует выражению смысла других элементов текста.

Интратекстуальная количественная актуализация символа реализуется как многократно повторяемая номинация в пределах одного текста. Как правило, в таких случаях слово, актуализируемое в качестве символа, выносится в заголовок. Например: (20) *Волна неискаженных чистых звуков. / Волна тишины. / Волна простоты* (В. Шахрин «Волна простоты» [3, с. 152-153]). (21) *Осеннее солнце – / Гибель – Сюрреалист. / Осеннее солнце – / Жатва. / Осеннее солнце / Листьями падает вниз* (К. Кинчев «Осеннее солнце» [Там же, с. 111]). (22) *Змеи на стенах, змеи в углях, / Змеи в кастрюльках, змеи в глазах, Змеи повсюду, змеи – везде...* (Андрей Романов «Змеи» [Там же, с. 129]). (23) *Серый-серый человек идет за мною, / Серый-серый человек с красной головою, / Зачем я нужен тебе – серый человек* (С. Рыженко «Серый человек» [Там же, с. 85]).

В данных примерах нагнетание употреблений слов ВОЛНА (20), ЗМЕЯ (22) и словосочетаний ОСЕННЕЕ СОЛНЦЕ (21), СЕРЫЙ ЧЕЛОВЕК (23) указывает на повышенную смысловую (символическую) нагрузку повторяемых единиц в тексте.

Как интертекстуальная, так и интратекстуальная количественная актуализация обеспечивает тенденцию к стягиванию символической семантики к некоторой ядерной зоне, вокруг которой так или иначе выстраивается система символов. В то же время актуализация символов за счет качества контекста расширяет перспективу символической интерпретации за счет умножения валентности актуализируемого знака.

Семантизация символа как операция состоит, с одной стороны, в приписывании ему множественности значений, противопоставляющей символ единицам иного рода (первый вид), а с другой – в определении векторов его интерпретации (второй вид).

Приписывание символу множественности значений в текстах русской рок-поэзии как вид семантизации состоит в умножении возможностей его интерпретации и осуществляется двумя основными способами: 1) помещением в контекст единиц с противопоставленной семантикой; 2) включением в контекст множества единиц с разнородной категориальной отнесенностью.

Примеры семантизации первого типа первого вида: (24) *Который год один и тот же праздник, / Вчера был бал, сегодня – маскарад... / Костюмы, маски, женищины, мужчины, / Глупцы – печальны, клоуны – смешны...* (Алексей Романов «Кому ты смотришь в спину» [Там же, с. 67]). (25) *Он <прошедший день> жил и пел бездумно и всерьез, / Переменная холод с пылким зноем, / Святую осень с грешною весной, / Смешно небо с небом, полным слёз* (К. Никольский «Прошедший день» [Там же, с. 77]). (26) *В наших глазах – крики «Вперед!» / В наших глазах – окрики «Стой!» / В наших глазах – рождение дня / И смерть огня...* (В. Цой «В наших глазах» [Там же, с. 121]).

В приведенных примерах через контекстуальные антонимы *сегодня – завтра, бал – маскарад, костюмы – маски, женищины – мужчины, глупцы – клоуны, печальны – смешны* семантизируется символ ПРАЗДНИК (24), *бездумно – всерьез, холод – зной, святой – грешный, осень – весна, смешной – полный слёз* – символ ДЕНЬ (25), *крик – окрик, «Вперед!» – «Стой!», рождение – смерть* – символ ГЛАЗА (26). Возможность включения в контексты, совмещающие в себе противоположности, характеризует номинации ПРАЗДНИК, ДЕНЬ, ГЛАЗА как знаки с множественным значением (символы).

Примеры семантизации второго типа первого вида: (27) *Который век – война, кресты косые, / Казенный дом, матрешки, петушки* (Алексей Романов «Кому ты смотришь в спину» [Там же, с. 67]). (28) *Эй, Ленинград, Петербург, Петроградские! / Марсово пастбище, Зимнее кладбище, / Отпрыск России, на мать не похожий, / Бледный, худой, евроглазый прохожий... / Герр Ленинград, до пуга затоваренный, / Жареный, пареный, дареный, краденый! / Мсье Ленинград, революцией меченный, / Мебель паливший, дом перекалеченный, / С окнами, бабками, львами, титанами, / Липами, сфинксами, медью, Аврорами!* (Ю. Шевчук «Ленинград» [Там же, с. 92-93]). (29) *Январь ушанка газета телевизор / работа перчатка телефон семья / розы тринадцатая зарплата / вороны заказ телефон сугробы* (В. Шумов «Времена года» [Там же, с. 169]).

В этих примерах, в отличие от примеров 24-26, нет противопоставления внутри семантических рядов, однако отнесение единиц этих рядов к различным категориям семантизирует символы ВЕК, ЛЕНИНГРАД, ЯНВАРЬ как многозначные и поливалентные языковые единицы (символы).

Определение вектора интерпретации символа как вид семантизации состоит в сокращении его многозначности. При этом многозначность не исчезает полностью, но направляется в некоторую смысловую область. Такой вид семантизации в русской рок-поэзии реализуется также двумя основными способами: 1) помещением символа в контекст слов, выражающих понятия; 2) помещением символа в контекст других символов.

Примеры семантизации первого типа второго вида: (30) *Этот город странен, этот город непрост, / Жизнь бьет ключом. / Здесь все непривычно, здесь все вверх ногами, / Этот город – сумасшедший дом* (М. Науменко «Уездный город N» [Там же, с. 102]). (31) *С неба Холодное, Мокрое, Скользящее / Сыплется* (Алексей Романов «Ваше Высочество, Одиночество...» [Там же, с. 65]). (32) *Ты <вера> умерла. // И величие*

смерти не остановит мой смех. / Ты была, пожалуй, самой *постылой* из всех / Моих *женщин, похожих на мать*, / *Женщин, похожих на сеть*, / *Женщин, похожих на славу*, / *Женщин, похожих на смерть*. / *Вера, ты умерла!* (М. Борзыкин «Вера» [Там же, с. 134]). (33) *В комнате с белым потолком с правом на надежду* / *В комнате с видом на огни с верою в любовь* (И. Кормильцев «Я хочу быть с тобой» [Там же, с. 139]). (34) *Долгая память хуже, чем сифилис*, / *Особенно в узком кругу* (Б. Гребенщиков «Электрический пес» [Там же, с. 21]).

В примерах 30-31 определяются векторы интерпретации символов: ГОРОД – абсурдность (странен, непросто, непривычно, вверх ногами, сумасшедший дом) (30); НЕБО – неприятность (холодное, мокрое, скользкое, сыплется) (31); ВЕРА – женская смерть (постылая, женщина, мать, сеть, слава, смерть, умерла) (32); КОМНАТА – комфортное пространство (белый, потолок, право, надежда, вид на огни, вера, любовь) (33); ПАМЯТЬ – заразная болезнь (сифилис, узкий круг) (34).

Примеры семантизации второго типа второго вида: (35) *Ветер, туман и снег – мы одни в этом доме*. / *Не бойся стука в окно – это ко мне*, / *Это северный ветер – мы у него в ладонях*. / *Но северный ветер – мой друг*, / *Он хранит то, что скрыто*, / *Он сделает так, что небо будет свободным от туч* / *Там, где взойдет звезда Аделаида* (Б. Гребенщиков «Аделаида» [Там же, с. 25]). (36) *Сегодня город твой стал праздничной открыткой*. / *Классический союз гвоздики и штыка* (А. Башлачев «Петербургская свадьба» [Там же, с. 44]). (37) *И через миг Земля очнулась ото сна*, / *А наяву, как всегда*, / *То Зима, то Весна* (Алексей Романов «Солдат вселенной» [Там же, с. 64]). (38) *Сине-зеленый день / Встал, где прошла гроза* (К. Кинчев «Мое поколение» [Там же, с. 110]). (39) *И эта ночь и ее электрический свет бьет мне в глаза*, / *И эта ночь и ее электрический дождь летит мне в окно*, / *И эта ночь и ее электрический голос манит меня к себе*, / *И я не знаю, как мне прожить следующий день* (В. Цой «Ночь» [Там же, с. 120]). (40) *Зерна отольются в пули*, / *Пули отольются в гири*. / *Таким ударным инструментом / Мы пробьем все стены в мире*. / *Обращайтесь гири в камни*, / *Камни обращайтесь в стены*. / *Стены ограждают поле*, / *В поле зреет урожай* (В. Бутусов «Хлоп-хлоп» [Там же, с. 149]).

В приведенных примерах смысл символов определяется семантикой других символов, входящих с ними в узкий контекст.

Так, в примере 35 семантика символа ЗВЕЗДА АДЕЛАИДА раскрывается через упоминание в узком контексте других символов (поскольку рамки статьи не позволяют давать развернутых описаний, здесь и далее ограничимся предельно сжатыми интерпретациями): ВЕТРА (перемен), ТУМАНА (неясности), СНЕГА (сокрытия прошлого), ДОМА (парадоксально комфортного и опустошенного пространства), СТУКА (призыва), ОКНА (проекции реальности), СЕВЕРНОГО ВЕТРА (чуждой человеку стихии), ЛАДОНИ (заботы), НЕБА (управляющего отражения земли), ТУЧИ (угрозы). В примере 36 символ ГОРОД семантизируется посредством символов ГВОЗДИКИ (почести, признания) и ШТЫКА (оружия). В примере 37 символ ЗЕМЛЯ соотносит свою семантику с символами ЗИМА (циклический сон мира) и ВЕСНА (пробуждение мира). В примере 38 символ ДЕНЬ семантизируется через соотношение с символом ГРОЗА (агрессивное очищение). В примере 39 семантика символа НОЧЬ раскрывается через семантику символов СВЕТА (различимость объектов мира), ГЛАЗА (душа, созерцательное и внимательное отношение к миру), ДОЖДЬ (очищение), ОКНО (проекция внешнего мира), ГОЛОС (информация), ДЕНЬ (парадоксально переполненное и опустошенное время суток).

Пример 40 особенно показателен тем, что символ УРОЖАЙ семантизируется цепочкой последовательно интерпретируемых символов (при этом интерпретация осуществляется также через символ): УРОЖАЙ – ПОЛЕ (плодородие) – СТЕНА (защита) – КАМЕНЬ (твердость, прочность) – СТЕНА (преграда, помеха) – ГИРЯ (груз, обременение) – ПУЛЯ (смерть, оружие) – ЗЕРНО (потенциальное продолжение).

Таким образом, операции актуализации и семантизации символов являются ключевыми действиями авторов текстов русской рок-поэзии. Актуализация производится за счет создания специфического контекста и нагнетания числа упоминания, семантизация – за счет множественности (противоположности) или смысловой соотношенности окружающих символ слов. Актуализация и семантизация символов позволяют автору русского рок-текста, с одной стороны, осуществлять своеобразные эксперименты с символами (помещать их в любые немислимые контексты и наблюдать результат), а с другой – приобретать символический капитал как авторитетному коммуникатору, способному к производству подобных операций. При этом рассмотренные операции, как и другие способы символизации кода, производятся нерегулярно, вследствие чего ожидание символического смысла проецируется на все тексты русской рок-поэзии.

Список источников

1. Авдеенко И. А. Пространственные символы русской рок-поэзии: монография. Комсомольск-на-Амуре: Изд-во АмГПУ, 2014. 144 с.
2. Авдеенко И. А. Темпоральные символы русской рок-поэзии: монография. Комсомольск-на-Амуре: Изд-во АмГПУ, 2016. 145 с.
3. Альтернатива: опыт антологии рок-поэзии / сост. П. Бехтин. М.: Всесоюзный молодежный книжный центр, 1991. 238 с.
4. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Изд-е 2-е. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
5. Бернат О. С. Слово-символ как текстообразующая единица поэтического произведения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». 2017. Т. 14. № 1. С. 27-30.
6. Кант И. О красоте как символе нравственности // Кант И. Сочинения: в 6-ти т. Т. 5. С. 373-377.
7. Телия В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 173-203.
8. Уайтхед А. Н. Приключения идей. М.: ИФРАН, 2009. 383 с.
9. Харский К. Практическое применение Эриксоновского гипноза [Электронный ресурс]. URL: <http://nlpstudent.ru/nlpplus/harsky.html> (дата обращения: 24.01.2018).
10. Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.

OPERATIONS WITH SYMBOLS IN THE TEXTS OF THE RUSSIAN ROCK POETRY

Avdeenko Ivan Anatol'evich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Amur State University of Humanities and Pedagogy, Komsomolsk-on-Amur
iavdeenko@mail.ru

The article considers the cognitive operations with symbols in the texts of the Russian rock poetry. It is shown that these operations are reduced to the following – actualization and semantization. In this case, the main types of actualization (the allocation of a symbol as such against the background of other words) are the creation of a special quality of the context and the increase in the number of uses, and the main types of semantization are placing in the context with units of the opposite or heterogeneous semantics or in the context of units (signs or symbols) with a relatively definite vector of interpretation.

Key words and phrases: symbol; actualization; semantization; context; Russian rock poetry.

УДК 811.111'367=811.161'367

Глаголы занимают центральное место среди большого арсенала языковых средств, репрезентирующих поведение человека. В данной статье представлены результаты анализа структурных особенностей глаголов поведения в трех языках (русском, татарском и английском). Изучение семантики глаголов поведения невозможно без обращения к их структурной организации. Авторы делают вывод о том, что глаголы поведения в русском, татарском и английском языках не являются единообразными: в их составе выделяются как простые, так и составные глагольные единицы при наличии общей инвариантной семы «вести себя».

Ключевые слова и фразы: глагол поведения; структура глагола; семантика глагола; словообразовательное значение суффикса; синтетический глагол; аналитический глагол; вспомогательный глагол; фразовый глагол.

Айдарова Алсу Мирзаяновна, к. филол. н.

Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета
aidalmir@yandex.ru

Лебедев Эдуард Евгеньевич, к. филол. н.

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары
edlebed@gmail.com

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ ПОВЕДЕНИЯ В РУССКОМ, ТАТАРСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Среди разноструктурных средств, способных номинировать человеческое поведение, особое место в лингвистических исследованиях [1, с. 14] отводится глаголам. В данной работе под глаголами поведения понимаются глаголы, в семантической структуре которых содержатся инвариантные семы «вести себя как-либо» или «вести себя как-либо по отношению к кому-либо». Исследование семантических особенностей и выявление межъязыковых эквивалентов таких глаголов в разноструктурных неродственных языках не представляется возможным без обращения к их структурной организации.

В данном исследовании были подвергнуты анализу 608 глаголов поведения в русском языке, 358 глаголов – в татарском, 420 глаголов – в английском.

Основной массив глаголов поведения *русского языка* представлен производными лексемами, образованными от субстантивных и адъективных основ. Анализируемые глаголы образуются посредством широкого инвентаря деривационных средств, а именно: суффиксации, префиксации, постфиксации, а также их различных сочетаний.

При образовании глаголов поведения шире всего используются такие суффиксы, как *-ить, -иться, -ствовать / -овать, -ничать / -ичать*, а также постфикс *-ся*, реже суффиксы *-вать, -ировать, -изовать, -овать / -евать, -изировать, -еть, -ать*. Суффиксы активно участвуют в преобразовании основы для создания нового наименования, «соотносящегося с комплексным явлением экстралингвистической действительности и актуализирующим это явление в языке» [3, с. 40].

Отметим, что подавляющее число глаголов поведения мотивируется названиями лиц (*холопствовать, бездельничать* и т.п.), в отдельных случаях глаголы мотивированы названиями животных (*обезьяничать, петушиться*):

Я давно тебя искал, хотел с тобой познакомиться, но ты все петушился (Дворецкий Л. Шакалы) [6].

Имена-мотиваторы глаголов, по мнению И. Улуханова, несут «отрицательно-характеризирующее значение», которое передается и глаголу [8, с. 61].

Наиболее продуктивными суффиксами при образовании глаголов поведения являются *-ничать / -ичать* (используются в 17% от общего количества глаголов поведения русского языка), *-ствовать / -овать* (в 10% от общего числа исследуемых глаголов). Перечисленные словообразовательные единицы регулярны и образуют глаголы со схожими значениями: